

На снимке: сцена из спектакля «Цветы в снегах». Ваварка-Саварка — артист Г. Дьяконов. Феня (мом) — артистка Т. Легат.

— ДАЙТЕ жалобную книгу! — настаивали взволнованные молодые голоса у кассы Тюменского областного драматического театра. И кассирша, и пришедший ей на помощь администратор не могли растолковать симпатичным жа-

ЦВЕТЫ В СНЕГАХ

лобщикам, что количество мест в зрительном зале ограничено...

Трудно достать билеты! Какая же это жалоба? — подумала я. Это скорее похвальное слово работе коллектива.

...В четвертый раз, уступая дружным аплодисментам, открывается занавес. Вот и окончилась нехитрая история ненецкого рыбака, которого в начале спектакля все называли Вэарка (Плохой); зато в конце своей сценической жизни честным трудом и благородными поступками вернул он себе доброе имя Саварка, то есть Хороший.

Исполнитель этой роли Г. Дьяконов открывает национальное в образе молодого ненца не только при помощи внешних выразительных средств (грим, детали костюма, интонационный рисунок и т. д.). Актер пытается, и успешно, заглянуть в душу своего героя. А душа у Вэарки-Саварки чистая, как вода в Оби. Его, как магнит, притягивает все доброе. И он скорее инстинктом, чем с помощью жизненного опыта, угадывает дурное.

От эпизода к эпизоду все больше становится у молодого рыбака друзей в зрительном зале. И как бы аккумулируя зрительские симпатии, актер от сцены к сцене все полнее раскрывает перед ними его светлый, простой характер.

Правда, иногда Дьяконов чутьчку «пережсимает» (может быть, драматический актер не совсем ловко чувствует себя в жанре музыкальной комедии?). «Пережсимают», разумеется, не стоят: простодушие не должно казаться глупостью, непосредственность — грубостью, цельность характера — примитивностью...

У Дьяконова большое актерское обаяние, что уже само по себе — признак одаренности. Кроме того, актер богат тем самым актерским умом, когда творческая интуиция, а не холодная рассудочность подсказывает верные решения. Но Дьяконов и думающий актер: мысль, как бы ни была она молниеносна, всегда предшествует у него поступку. Досадно, что некоторые исполнители не только не помогают, но даже мешают этому естественному, правдивому существованию Дьяконова на сцене. Случается, человеческие слова у них звучат, как заученные реплики. Актеры вдруг выключаются из действия, и бедный Вэарка-Саварка тщетно ищет живой глаз партнера...

Конечно, нельзя не заметить, что роль эта и написана много лучше других ролей.

Мне кажется, авторы произведения «Цветы в снегах» несколько формально определили его жанр. Музыка П. Чистякова — это музыка к драматическому спектаклю. В ней нет и намёка на музыкальную дра-

матургию, музыкальные характеристики. В то же время создается впечатление, что драматург И. Истомин, опасаясь, может быть, нарушить «законы» музыкальной комедии, сознательно упростил характеры, диалоги, что привело, конечно, к известной схематизации образов, обеднению драматургии.

Видимо, и актеры, поддавшись этому жанровому гипнозу, пошли по неверному пути: пренебрегая выразительными средствами драматического театра, которыми они владеют, некоторые исполнители все свое внимание, все творческие усилия «бросили», как говорится, на музыкальный участок. Причем поют и танцуют они, зачастую используя худшие традиции, вернее, штампы музыкальной комедии, от которых хорошие театры оперетты уже давно отказались.

И если спектакль все-таки хорошо сошлется, «виной» этому прежде всего близкая и волнующая судьба ненецкого юноши, хорошая актерская работа Дьяконова и профессиональная рука режиссера Э. Кондэ.

«Цветы в снегах» — первая коми-ненецкая музыкальная комедия. Говорят: одна ласточка не делает весны. Но первая ласточка — доказательство того, что весна не за горами. Придет время, и появится, конечно, возможность говорить не только об отдельных произведениях, но уже и о драматургии народов Севера, обогатившей нашу многонациональную драматическую литературу.

Н. РУМЯНЦЕВА,
спец. корр. «Советской культуры».

ТЮМЕНЬ,